

Глушко Оксана Борисовна

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

Границы прагматики как одной из трех частей семиотики были изначально определены ее соседством в рамках этой науки с семантикой, с одной стороны, и синтактикой - с другой. На долю прагматики приходится сфера отношений между знаками и теми, кто ими пользуется. Согласно Ч. С. Пирсу, основоположнику семиотики и прагматизма, человек - центр мироздания, стремящийся постоянно действовать, руководствуясь своими сугубо личными интересами, преследуя определённые цели. Таким образом, человек воздействует на реальность, имея дело только лишь со знаками действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 71-73. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ния - и всё становится на круги своя. Это и есть так называемый герменевтический круг как сущность истолкования.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1986. - С. 250-296.
2. Гадамер Г.-Х. Истина и метод: Основы философской герменевтики. - М.: Прогресс, 1988. - 704 с.
3. Гельгардт Р. Р. О стиле литературного произведения (объект и метод) // Вопросы стилистики: Сб. статей к 70-летию со дня рождения К. И. Былинского / Под ред. В. П. Вомперского. - М: Изд-во Московского ун-та, 1966. - С. 70-83.
4. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и другие работы. - СПб.: Алетейя, 1999. - 508 с.
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 10 томах. - М: Правда, 1988. - Тома 2, 6, 7, 8, 9.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

Глушко О. Б.

ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., проф. Норановичем А. И. и к.ф.н., доц. Фатыминой В. Д.

Границы прагматики как одной из трех частей семиотики были изначально определены ее соседством в рамках этой науки с семантикой, с одной стороны, и синтактикой - с другой. На долю прагматики приходится сфера отношений между знаками и теми, кто ими пользуется. Согласно Ч. С. Пирсу, основоположнику семиотики и прагматизма, человек - центр мироздания, стремящийся постоянно действовать, руководствуясь своими сугубо личными интересами, преследуя определённые цели. Таким образом, человек воздействует на реальность, имея дело только лишь со знаками действительности.

Нас заинтересовала концепция Чарльза Пирса, позволяющая сделать классификацию языковых знаков, базирующуюся на учёте прагматического компонента простых и составных знаков. Это даёт выход в новом лингвопрагматическом взгляде на устройство производных слов различных классов, в т.ч. производных немецких прилагательных с полусуффиксами.

В кругу прагматических вопросов оказываются проблемы отношения говорящего к тому, что и как он говорит. Любое высказывание - самостоятельное предложение, реплика в диалоге или связный текст - соотносится с говорящим, субъектом речевой деятельности. В процессе речевого общения говорящий выступает не как некая идеализированная, глобальная личность со всеми присущими ей психологическими и социальными особенностями, а как личность, выявляющая одну или несколько своих социальных функций и психологических особенностей в зависимости от конкретных условий протекания общения.

«Основания прагматики, - как утверждает Ю. С. Степанов, - заключены в более общем свойстве языка, пронизывающем все его стороны, - в его «субъективности» [Степанов 1981: 326]. А предметом прагматики является «связный и достаточно длинный текст в его динамике - дискурс, соотносённый с главным субъектом, с «Эго» всего текста, с творящим текст человеком» [Степанов 1981: 332]. Очевидно, что человек - автор событий. По крайней мере, событий, заключающихся в говорении. Это пробудило наш интерес к рассмотрению философских оснований прагматики, а именно философии прагматизма Ч. С. Пирса.

Чарльз Сандерс Пирс (1839-1914) - американский философ, логик, математик, основоположник прагматизма и семиотики. Философской основой прагматизма, как она была изложена Пирсом, был субъективный идеализм Беркли, приспособленный к утилитаризму и практицизму американского дельца и предпринимателя. Для западной цивилизации в конце XIX в. все менее значимой культурной ценностью становилось следование нормам и стереотипам, унаследованным от предков или навязанным властями, и все большее значение в глазах общественности приобретал жизненный, практический успех. Именно понятие успеха стало центральным в философии прагматизма, и следствием этого стало изменение места человека во Вселенной. Если раньше, образно говоря, каждый сверчок должен был знать свой шесток, то теперь перед человеком открылось обширное поле возможностей, перспектив, потерь и приобретений, и это поле уже не было запретным. Человек получил возможность и право самостоятельно определять свое место в мироздании, свои цели и способы их достижения - и, разумеется, нести полную ответственность за последствия своего выбора.

В своих философских взглядах Пирс отталкивался не от понятия бога или Абсолюта, а от понятия опыта [Пирс 2000]. Опыт - это всегда опыт человека, именно человек является его субъектом, и, хотя дано ему может быть очень многое, в том числе и непосредственное видение Абсолюта, центром тяжести при этом все равно остается человек, а бог или Абсолют в этом случае оказывается приравнен по своему онтологическому статусу ко всем остальным объектам опыта - реальным предметам, плодам воображения и галлюцинациям. Таким образом, именно человек становится у Пирса онтологическим центром мироздания, а антропология и теория познания в его философии образуют концептуальное ядро, служащее базисом и источником методологии решения всех остальных философских проблем.

Специфика понимания опыта Пирсом состоит в том, что опыт никак не структурирован. Все случайно, нет никаких закономерностей, которые были бы имманентно присущи самому миру. Поэтому познание в

любом случае будет существенным образом зависеть от веры, то есть от уверенности человека в том, что картина реальности, сформированная им для себя, истинна и адекватно отражает саму реальность. Эта идея идет, собственно, еще от Канта с его концепцией прагматической веры [Кант 1994]. По мнению Канта, вера всего лишь восполняет недостаток знания при необходимости незамедлительно принять практическое решение; в своей компенсаторной роли вера оказывается случайной, так как эта роль могла бы и не состояться при условии разрешимости ситуации на основе знания. Содержание сознания Пирс рассматривает как совокупность мнений или «верований» [Пирс 1996], назначение которых состоит в том, чтобы направлять наши действия. Согласно Пирсу, верование определяет привычное поведение человека, продолжающееся до тех пор, пока не наступит какая-нибудь заминка, пока не появится нечто, не укладывающееся в понятия данного верования. Тогда возникает сомнение, причиняющее беспокойство, от которого мы стремимся освободиться. Сомнение побуждает к действиям, направленным на его устранение. Эти действия и представляют собой «исследование». Утверждая, что цель мышления, или исследования, - это достижение устойчивого верования независимо от его истинности или ложности Пирс подходит к прагматистскому пониманию истины, как того, что способно дать удовлетворение. Таким образом, человек, как утверждает Пирс, всегда стремится действовать, то есть изменять физический мир и поведение других людей, и познание осуществляется им прежде всего с целью уяснить себе те свойства объектов окружающего мира, которые имеют отношение к его намерениям.

Иными словами, новация Пирса заключалась в том, что он одним из первых осознал наличие между субъектом и объектом посредника, через которого идет любой познавательный процесс. Согласно классическому рационализму, мы познаем объект полностью и во всех его существенных чертах, а если в познавательный процесс вмешиваются наши интересы и симпатии, то познание становится в большей или меньшей степени неадекватным и неточным. Пирс же выдвинул идею о том, что познание всегда в своих специфических чертах обусловлено иррациональным аспектом нашей личности - прежде всего нашими интересами. Эту мысль он сформулировал в виде так называемой «прагматической максимы»: «рассмотрите, какого рода следствия, могущие иметь практическое значение, имеет, как мы полагаем, объект нашего понятия. Тогда наше понятие об этих следствиях и есть полное понятие об объекте» [Пирс 1996].

Отсюда следует и определение Пирсом понятия реальности. Она не существует сама по себе, независимо от человека. То есть для каждого конкретного индивида реальность безусловна, но только в той же мере, в какой безусловна культура, в которой он воспитан. Конечно, Пирс не говорит прямо, что реальность - это целиком и полностью культурный конструкт, однако указывает на важнейшую роль, которую играет в формировании реальности культура и ее носитель - общество. Однако еще большую роль играет в конструировании этого концепта понятие нашего человеческого интереса и нашей веры вместе с ее антиподом - сомнением. Реальность понимается Пирсом как объект окончательного всеобщего мнения или верования, или, говоря иначе, реальность - это то, во что в конечном счете будут верить все исследователи.

Верование в реальность окружающего нас мира у Пирса превращается в основное условие не только постижения нами этого мира, но и его существования. Естественным выводом из этой концепции стала доктрина, которой автор ее дал название агапизм (от греческого агаре - «любовь»). Суть ее состоит в том, что, если реальность не только не воздействует напрямую на нас, но сама претерпевает наши воздействия, то она оказывается в своем онтологическом статусе зависимой от субъекта, а его внутреннее содержание поэтому оказывается закрытым от влияний извне и элементы его могут претерпевать воздействия только со стороны других элементов. Мы никогда не имеем дела с действительностью самой по себе, а всегда вынуждены работать только со знаками действительности. Понимание этого побудило Пирса обратить особое внимание на теорию знаков.

Знак у Пирса - это любое А, обозначающее В для С. Для того, чтобы некоторый объект мог быть знаком, он должен иметь совершенно определенное отношение к какому-либо субъекту, для которого он будет что-то обозначать. Без интерпретатора же знака нет и не может быть. Знаки делятся на ряд типов, и самой, на наш взгляд, важной их классификацией является классификация в зависимости от отношения знака к его объекту. По этому параметру знаки делятся на иконы (обозначают что-то в силу своего видимого сходства с обозначаемым объектом), индексы (знаки, динамически, физически связанные со своими объектами) и символы (конвенционально принятые знаки).

Таким образом, основной предпосылкой возникновения в XX веке и функционирования прагматики и, в частности, прагмалингвистики как науки, изучающей отношения между языковыми знаками и теми, кто этими знаками пользуется, стало возрастающее значение «человеческого фактора», которое ощущалось исключительно во всех областях научного познания. Прагмалингвистика развивалась наряду с социалингвистикой, психолингвистикой, этносоциалингвистикой, интенсивно исследовавшими проблемы взаимодействия языка и человека.

В заключении необходимо ещё раз подчеркнуть важность прагматики для лингвистики языка, для понимания творческих аспектов при создании и возникновении языковых знаков. Также важна роль прагматического компонента в смысловой структуре простого и сложного языкового знака.

Список использованной литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. - М., 1994.
2. Пирс Ч. С. Закрепление верования // Вопросы философии. - 1996. - № 12. - С. 106-120.

3. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. - М., 2000.
4. Пирс Ч. С. Как сделать наши идеи ясными // Вопросы философии. - 1996. - № 12. - С. 120-132.
5. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. - 1981. - № 4. - Т. 40. - С. 325-332.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКСЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

*Голованова И. А.
Институт филологии СО РАН*

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Щегловой О. Г. и к.ф.н. Ивановой Е. А.

В статье представлены некоторые результаты исследования проксемного поведения персонажей русских и немецких художественных текстов с позиции отражения в них этнокультурных особенностей отношения к пространству среди представителей русской и немецкой коммуникативных культур.

В основу данного исследования легло понимание художественного текста, прежде всего, как хранителя этнокультурной информации. Овнешнённые образы сознания функционируют в форме текста, в котором зафиксирована специфика вербального и невербального поведения (НП) носителей того или иного языка и культуры. Ср.: текст - «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных» [Антипов и др. 1989: 87]. Если в устном общении невербальные сигналы являются спонтанными, то в письменной форме - это намеренно или неосознанно используемый художественный приём передачи паралингвистических и кинетических явлений, невербального поведения в целом, вербальными средствами. Таким образом, восприятие и функционирование инокультурного текста может являться предметом научного исследования, направленного на выявление этнокультурной специфики коммуникативного сознания представителей разных лингвокультурных общностей. Данное положение применимо и к особенностям проксемного поведения, поскольку «каждый народ видит пространственное устройство бытия в особой проекции» [Крейдлин 2004: 468].

В каждой этнокультуре существуют свои правила проксемного поведения, или отношения человека к коммуникативному пространству и взаимодействия с этим пространством: по-разному определяются такие важные в культурном, социальном и коммуникативном плане понятия, как своё и чужое пространство, довольно значительно различаются социальная, личная и интимная зоны, причём варьируются не только их метрические величины, но и качественные характеристики. Так, «в Юго-Восточной Азии люди, желающие вступить в диалог, как правило, не подходят слишком близко друг к другу, чтобы не коснуться партнёра, поскольку, например, даже нечаянное прикосновение к голове партнёра в соответствующих культурах рассматривается как серьёзное нарушение этикетных норм проксемного взаимодействия» [Крейдлин 2004: 468]. Этнокультурное окружение определяет такие правила проксемного поведения, как выбор места и расстояния между коммуникантами, пространственное взаимное положение и ориентацию тел во время общения; по-разному распределяется коммуникативный «вес» относительно различных пространственных параметров. Особые правила фиксируют культурно-специфичные закономерности в соотношениях между полами участников ситуации общения и типом коммуникативного расстояния между ними, отражают неодинаковое для людей разных культур отношение к присутствию третьих лиц в актуальном коммуникативном акте, ими определяются культурная ценность и функциональная значимость той или иной разновидности проксемного появления.

Традиционно германскую коммуникативную культуру относят к «холодной» европейской культуре (особенно в сопоставлении с романской), а жителей Германии считают сдержанными. Немцы, характеризуя собственный коммуникативный этикет, дают следующие рекомендации по поводу организации, например, делового пространства: „Auch im Büro gibt es Schutz- und Distanzzonen. Beim Plausch auf dem Flur oder im Meeting empfinden Menschen eine Distanz von 60 Zentimetern als Intimzone» [Wirtschaftswoche 2007: 97]. При этом, описывая аналогичные ситуации для России, автор процитированной работы отмечает: „Der Körperabstand in Russland ist geringer als bei uns. Im Gespräch wird auch schon mal der Arm berührt oder auf die Schulter geklopft» [там же: 101]. Наши наблюдения над тем, как немцы организуют своё пространство, подтверждают данное положение. В частности, в Германии даже жилые дома обустроены так, чтобы «выразить» максимум личной территории, ответственность за которую, например, в форме варьируемого (в отличие от постоянно-архитектурного) индивидуального декорирования, может распространяться далеко за пределы стен дома (в частности, около входных дверей домов нередко стоят горшки с цветами, здесь же могут «поселиться» игрушки, вывешиваются таблички, внешнюю сторону дверей принято украшать, в окнах, особенно перед Рождеством или Хэллоуин, а также на Пасху, также вывешиваются различные игрушки и подсветки, в саду или на тропинке, ведущей к дому, устанавливаются декоративные украшения, призванные создать уют и положительно маркировать территорию как «свою», «освоенную»). Если у русских подобная «своя», или «освоенная», территория часто заканчивается входной дверью квартиры (например, соседи по площадке в многоэтажных домах позволяют себе оставить мусор в коридоре, наследить, не убрав за собой грязь, по-